

УДК 34 (091)

В. В. Ефимова

НАДЗОРНЫЕ ФУНКЦИИ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ТЯЖКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА: ЗАКОН И ПРАКТИКА

На примере деятельности архангельских, вологодских и олонекских генерал-губернаторов А.Ф. Клокачева и С.И. Миницкого раскрывается механизм реализации данными должностными лицами надзорных функций в области производства дел по тяжким уголовным преступлениям, а также делается попытка оценить эффективность такого надзора.

21

This article describes the mechanism of fulfilling supervisory duties in felony crime proceedings by using the example of Arkhangelsk, Vologda, and Olonets governors general A.F. Klokachev and S.I. Minitsky. The author also attempts to assess the efficiency of such supervision.

Ключевые слова: генерал-губернатор, надзор, судопроизводство по тяжким уголовным преступлениям.

Key words: governors general, supervision, supervisory duties, felony crime proceedings.

На сегодняшний момент в историко-правовой литературе нет исследований, которые были бы специально посвящены изучению того, как генерал-губернаторы первой трети XIX в. осуществляли на практике надзор за уголовным судопроизводством. Исследователи, как правило, ограничивались анализом существовавшего законодательства и на основании прежде всего нормы о том, что генерал-губернаторы и губернаторы имели право утверждать приговоры по всем уголовным и следственным делам, делали схожие заключения, которые можно свети, не зависимо от времени написания работы и принадлежности автора к той или иной научной школе, к одному: суды в своей деятельности были зависимы от администрации. Мы отнюдь не собираемся опровергать это мнение, и все же теория всегда поверяется практикой.

Статья написана на основе законодательных актов и документов, извлеченных из Полного собрания законов Российской империи [1; 2] и архивов [3–5]. Учитывая ограниченные возможности подобного рода публикаций, мы рассмотрим только один из аспектов заявленной выше темы, а именно практику надзора со стороны архангельских, вологодских и олонекских генерал-губернаторов А.Ф. Клокачева и С.И. Миницкого за производством только тяжких уголовных (но не должностных!) преступлений, которые влекли за собой наказание в виде лишения жизни или чести или торговую казнь. Под последней, в свою очередь, после манифеста 1775 г. подразумевалось публичное наказание

кнутом, плетью и батогами [1. Т. 22. №16513; Т. 38. №29369]. Именно такие приговоры, как предписывалось первоначально «Учреждениями для губерний» 1775 г., должны были в обязательном порядке поступать на утверждение генерал-губернатора. Значение этого должностного лица усиливалось также тем, что с 1784 по 1823 г. обвиняемые, принадлежавшие к непривилегированным сословиям и приговоренные к указанным выше тяжким наказаниям, были формально лишены права апелляции на такие приговоры уголовных палат, а после 1823 г. — те из них, кто были приговорены к телесным наказаниям или лишению чести, могли обжаловать приговор только после его исполнения [1, Т. 21. №15204; Т. 22. №16022; Т. 27. №20561; Т. 30. №23405, 23660; Т. 32. №25349; Т. 33. №25770; Т. 38. №29391; 2. Т. 3. №2135, 2470a].

В то же время для лиц, принадлежавших к привилегированным сословиям и группам и прежде всего к дворянам и чиновникам, а также людям из «нижнего состояния», имевшим «высочайше» пожалованные знаки отличия (ордена, медали, кафтаны и т.п.), порядок рассмотрения тяжких уголовных преступлений был несколько иным: после вынесения уголовной палатой «решительного» приговора и высказывания на него мнения генерал-губернатором или губернатором, дела в обязательном порядке поступали на ревизию в Сенат, а затем утверждались императором. Такой порядок соблюдался и в случае, если дворяне и чиновники обвинялись в убийстве, но впоследствии не были признаны судом виновными [1. Т. 22. №16022; Т. 25. №18894 (ст. 13); Т. 27. №20405 (ст. 20); Т. 29. №21983,21991; Т. 32. №25349,25668 (ст. 4); Т. 37. №28358; 2. Т. 4. №3261].

Завершая краткую характеристику особенностей судопроизводства по тяжким уголовным преступлениям, обратим внимание на такой важный момент: обвиняемым в подобного рода деяниях, к какому бы они не принадлежали сословию, не запрещалось приносить жалобы на «Высочайшее имя». Если жалоба признавалась царем основательной, то дело решалось строго в соответствии с «Высочайшим указанием». Но в любом случае, как было разъяснено в 1811 г. и подтверждено в 1826 г., если дело по «Высочайшему указу» передавалось не через Сенат, а «прямо на имя генерал-губернаторов или одним уголовным палатам... и наконец дошло установленным порядком» до Сената, то последний о своем окончательном решении должен был «подносить» императору «на апробацию» рапорты, в соответствии с порядком, который существовал в Сенате «в рассуждении дел, на которые объявлены ему Высочайшие повеления» [1. Т. 31. №24711; 2. Т. 1. №566]. Ярким примером такого «высочайшего» вмешательства может служить «дело вятского мещанина Косолапова», который неоднократно доносил государю о разных злоупотреблениях архангельской губернской администрации. Однако назначаемые с его участием следствия ничего не открыли, поэтому «Высочайшим повелением», переданным через генерал-губернатора А. Ф. Клокачева, Косолапов был предан суду за «несправедливые и ябедные доносы» с оговоркой: «не приводя в исполнение заключения суда, представить о нем на Высочайшую конфирмацию». Исполняя волю императора, А. Ф. Клокачев рапортом от 22 мая 1820 г., согласив-

шись с заключением архангельской уголовной палаты, приговорившей Косолапова к лишению доброго имени, представил дело царю [4. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 36. №459,505].

Теперь рассмотрим подробнее, в чем же заключались в первой трети XIX в. надзорные функции генерал-губернаторов в сфере судопроизводства по тяжким уголовным преступлениям и как они реализовывались на практике архангельскими, вологодскими и олонекскими (далее — архангельскими) генерал-губернаторами А.Ф. Клокачевым и С.И. Миницким, чья должность существовала с 1820 по 1830 г. [1. Т. 37. №28202; 4. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 748. Л. 98].

Начнем с фиксации двух весьма важных моментов. Во-первых, начиная с 1781 г. в случае отсутствия генерал-губернатора во вверенных его управлению губерниях утверждать приговоры уголовных палат было повелено губернаторам, «дабы преступник не мог долго оставаться без наказания». Во-вторых, начиная с 1805 г. некоторым военным губернаторам и генерал-губернаторам, в их числе оказался и А.Ф. Клокачев, разрешалось принимать к своему рассмотрению только такие уголовные дела, «кои по важности своей или по жалобам на несправедливое решение судебных мест обратили бы на себя особое их внимание». Законодатель объяснял это стремлением освободить генерал-губернаторов для «деятельного надзора по другим частям». С 1823 г. это право было распространено на всех генерал-губернаторов [1. Т. 21. №15204; Т. 28. №21763; Т. 35. №27253; Т. 37. №28106,28202; Т. 38. №29610]. Таким образом, в начале 1820-х гг. основная тяжесть по утверждению уголовных приговоров, а следовательно, и ответственность за неправильное утверждение, легла на губернаторов. Однако логично предположить и другое — именно тяжкие уголовные преступления попадали в первую очередь в поле зрения генерал-губернаторов.

Среди надзорных прав, предоставленных этим должностным лицам еще ст. 85 «Учреждений для губерний» 1775 г., было право приносить судебные места своего наместничества решать дела без проволочек. От кого генерал-губернатор мог узнать о таковых, указано как в самих «Учреждениях», так и в последовавших позже разъясняющих правовых актах.

Во-первых, информировать генерал-губернаторов о ходе производства уголовных дел в своей губернии был обязан по должности губернский прокурор, которому предписывалось смотреть «о сохранении везде всякого порядка законами определенного, и в производстве и отпращивании самих дел», «чтоб... вершенные дела скоро и безостановочно самими делом по решению исполнены были», но, в первую очередь, дела находящихся под стражей. Связано это было, в частности, с тем, что простолодины, обвинявшиеся в совершении таких тяжких уголовных преступлений, как смертоубийство, разбой, воровство и пристанодержательство, обычно содержались в тюрьмах в колодках или кандалах, поэтому к облегчению их участи закон требовал решать их дела с момента задержания «в месяц», а прочих — лихоимцев, грабителей и казнокрадов — в течение 1—6 недель. О нарушении этих сроков губернский прокурор должен был сообщать наместническому правле-

нию или непосредственно генерал-губернатору. Кроме этого губернский прокурор мог опротестовать приговор уголовной палаты, но в случае несогласия с ним, в отличие от генерал-губернатора, не мог остановить его исполнения [1. Т. 14. №10650; Т. 16. №11750; Т. 29. №22543; Т. 20. №14392 (ст. 401, 404, п. 5 и 13 ст. 405); Т. 30. №23729; Т. 33. №26653; 2. Т. 3. №2426].

Однако, как установлено нами по сохранившимся ежедневным журналам «исходящих бумаг» от архангельских генерал-губернаторов за 1820–1825 гг., прокуроры трех северных губерний крайне редко обращались к ним по указанным выше поводам. Так, например, по Олонецкой губернии это случилось за 6 лет только дважды и только одно представление имело отношение к тяжкому преступлению. Это был рапорт от 24 мая 1821 г. губернского стряпчего уголовных дел Карабутова, которому генерал-губернатор Клокачев еще в 1820 г. поручил «привести в известность» истинное количество нерешенных и неисполненных дел по петрозаводскому уездному суду. Стряпчий сообщал, что при рассмотрении дела об убитой крестьянке Егоровой он обнаружил, что земский суд «сделал послабление к раскрытию виновных, в числе которых состояла тетка по мужу Егоровой, ее муж и свекор», но ни уездный суд, ни уголовная палата, не потребовав никаких дополнений в следствии, своими решениями оставили их лишь в «подозрении». Поэтому стряпчий представил свой рапорт в палату, которая отозвалась, что, так как дело ею уже решено и с решением согласился губернский прокурор, он опоздал. Тогда Карабутов обратился к губернатору, но и на его предложение палата ответила тем же. Все это понудило его обратиться к А.Ф. Клокачеву, который, истребовав дело от палаты, представил его в Сенат (впрочем, отыскать это дело в архиве Сената нам не удалось) [4. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 84. №1053,1323,1563].

Таким образом, можно заключить, что основную информацию обо всех производствах по тяжким уголовным преступлениям, ведущихся в их губерниях, генерал-губернаторы получали по другим каналам и, в первую очередь, из разного рода ведомостей. В августе 1824 г. Сенат еще раз указал всем присутственным местам и чиновникам, чтобы «в числе настоящих преступников не томился иногда под стражею невинный», доставляли они к «начальникам губернии... в сроки законом положенные ведомости решенным и нерешенным делам, о содержащихся по ним арестантам», а последние наблюдали по ним «за скорым оных движением», а в случае замеченной «медленности» делали «надлежащие кому следовать будет побуждения, дабы содержащиеся по бездействию Судов не томились понапрасну» [1. Т. 39. №30028].

Как видно из тех же «исходящих журналов», уже 8 и 15 апреля 1820 г. генерал-губернатор Клокачев, которому было вменено царем начать исправление своей новой должности с обревизования вверенных ему в управление губерний на правах сенатора, предписал всем губернским учреждениям представить ему указанные в сенаторской инструкции 1819 г. сведения, но кроме этого присылать: 1) каждые 2 недели — о происшествиях в губерниях, краткие мемории обо всех журналах и протоколах губернских правлений и палат, а о делах и случаях особен-

ной важности — немедленно; 2) ежемесячно — краткие ведомости о решенных и нерешенных делах по всем присутственным местам, в том числе по именованным, высочайшим и сенатским указам, а также о делах по уголовным палатам и об арестантах и подсудимых с объяснением, «какие понуждения по медлительности в их окончании приняты меры от губернских начальств». То же самое предписал делать и заменивший его в 1823 г. на посту генерал-губернатора С. И. Миницкий [4. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 36. № 251, 252, 290, 291; 5. Ф. 655. Оп. 1. Д. 8/23. Л. 101].

Так, например, ведомости о происшествиях позволяли архангельским генерал-губернаторам фиксировать все тяжкие уголовные преступления с момента их совершения. Какое значение придавали они этим ведомостям свидетельствуют следующие их предложения: так 29 апреля 1821 г. А. Ф. Клокачев еще раз напомнил всем губернским правлениям, городским и земским полициям о необходимости предоставлять ему данные ведомости не помесечно, а каждые 2 недели, и «чтоб были они при этом основательными». О том же самом подтверждал в 1823 и 1825 гг. его преемник — С. И. Миницкий, подчеркивая, что «если они скроют что-то важное или донесут только губернатору и станет об этом ему известно, то подвергнутся строгой ответственности». Особым предложением Миницкий требовал представлять к себе ведомости о происшествиях, по которым не откроются виновные, так как согласно закону от 28 декабря 1821 г. теперь такие случаи окончательно рассматривались в нижних судебных местах. Однако губернатор, которому они должны были представлять на просмотр свои заключения, если бы нашел «производство» какого-либо дела «неправильным, или неудовлетворительным» или получил по нему «от кого-либо жалобу», обязан был передать его на ревизию в уголовную палату [1. Т. 37. № 28852; 4. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 84. № 1605; Д. 191. № 369—382, 678; Д. 329в. № 1247]. Это предписание, как мы полагаем, позволяло генерал-губернатору знать истинное число совершаемых преступлений, предотвращая тем самым естественное стремление губернской администрации во главе с губернатором «подправить» в лучшую сторону не только статистику совершаемых преступлений, но и их раскрываемость.

Как свидетельствуют те же «исходящие журналы», в канцелярии архангельского генерал-губернатора тщательно проверяли и ежемесячно поступавшие туда от уголовных палат ведомости о решенных и нерешенных делах. Так, например, в 1821 г. А. Ф. Клокачев после рассмотрения этих ведомостей предложил немедленно решить следующие дела: 17 марта Архангельской уголовной палате — о присвоении груза купцом Романовым, которое «недельно в решении остановилось с 1819 г.», 21 апреля Вологодской — о содержащихся с 1817 г. четырех крестьянах за кражу; 24 декабря Олонецкой — о двух уголовных делах, лежащих без движения с 1820 г. Неуклонно продолжал эту же практику и его преемник: так, например, усмотрев из ведомости Олонецкой уголовной палаты за сентябрь и ноябрь 1823 г., что дело о «пограблении у священника Вытегорского уезда Иванова имущества и денег» остановилось за непроведением дополнительного следствия тамошним земским исправником, несмотря на неоднократные требования палаты,

С. И. Миницкий предложил 16 ноября 1823 г. губернскому правлению понудить исправника его провести, а в январе 1824 г. уже за неисполнение порученного предать его ответственности, а для следствия назначить точные сроки. В ноябре 1828 г. Миницкий вновь напомнил этой же палате об ее обязанности доставлять ему ежемесячно ведомости с именными списками об арестантах [4. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 84. №560, 803, 804, 2352; Д. 191. №1138; Д. 262. №24; 5. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1108. Л. 2].

Другим способом надзора за ходом производства тяжких уголовных дел со стороны генерал-губернаторов были регулярные объезды своих губерний. Так, например, будучи летом и осенью 1820 г. с первым обозрением состояния дел в только что вошедших в его генерал-губернаторство двух новых губерний, А. Ф. Клокачев обратил внимание, что в Олонецкой губернии в Вытегорском уездном суде дело «об убийстве Павловской вотчины крестьянином Евдокимовым с товарищами беглого Вахрушина» не решено с 1816 г., в магистрате того же города дело о краже мещанином Рябовым у Захарова «2 года с лишком лежит без всякого движения, а Рябов освобожден, но уже во второй раз произвел преступление, но и это дело не решено»; в Лодейнопольском земском суде «следственных дел нерешенных 134, а в уездном суде остановлено из-за земского суда 54 дела», в самой Олонецкой уголовной палате «хоть и числится решенными 80 дел, но 382 не приведено в исполнение». Также в Вологодской губернии в уездном суде г. Кадникова нерешенных дел 194, по которым «только в тюрьме 15 человек, из них 8 сознавшихся в убийствах, разбое, грабеже и зажигательстве, содержатся в тюрьме с 1814 и 1815 гг.», но дела их не могут решиться «якобы за отсутствием полного присутствия членов». В земском суде этого же города 186 нерешенных дел, в том числе «об убийствах, грабеже, святотатстве и другим уголовным по несколько лет остаются с давних пор неисследованными», в уездном суде г. Грязовца — 209 нерешенных дел, по которым содержится 8 человек в тюрьме. «Многие дела уголовные важные по многу лет не решены и без движения», например, случившееся еще в 1808 г. дело о краже из Богородской церкви церковных сумм 4582 руб. в нем находится с 30 марта 1812 г. «за неявкою будто бы депутата от духовного ведомства», в г. Вологде в уездном суде нерешенных дел по ведомостям показано 92, в том числе об убийствах, кражах и прочих преступлениях, за которые находятся под стражею 15 человек, а в уголовной палате «дела хоть и содержатся в особом порядке, но есть медленно решаемые», в том числе «об убийствах, грабежах и умерших от побоя не рассматриваются по занятиям другими делами» [4. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 36. №757,1142].

Краткие итоги своих первых объездов Олонецкой и Вологодской губерний А. Ф. Клокачев донес императору в рапортах от 15 июня и 23 сентября 1820 г. В них, к сожалению, он сообщил только об общем количестве нерешенных дел по всем присутственным местам этих губерний, не умолчав, впрочем, что в Вологодской губернии содержится арестантов до 200 человек. Но ведомости эти, писал честно генерал-губернатор, «были ложные», так как «сотнями и тысячами» дела в них не были показаны. Для быстрого решения дел, как докладывалось

далее, предпринял он разные меры, в том числе предписал обеим уголовным палатам заниматься после обеда и по субботам, а олонеккой даже передать половину дел в гражданскую палату. В рапорте же от 31 июля 1821 г., докладывая царю о первых успехах «по устройству этих губерний», Клокачев не преминул особо подчеркнуть, что удалось разрешить за год несколько тысяч дел и «арестантов уже во всех тюрьмах Олонеккой губернии — 16, а в Вологодской — 117 человек» и не устанет требовать он решить их дела, «дабы от провращения не страдало человечество» [3. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3328, 4177, 4330].

Такая деятельность генерал-губернаторов по надзору и постоянно-му принуждению судебных мест, направленная на то, чтобы решать дела быстрее, имела некоторый результат. Если посмотреть итоги двух сенаторских ревизий, проведенных в 1827/28 г. в Олонеккой и в 1830/31 г. в Вологодской и Архангельской губерниях, то, например, сенатор Баранов обнаружил по ведомостям в лодейнопольском уездном и земском судах соответственно 6 и 202 нерешенных следственных дел; сенаторы Мертенс и Корнилов в уездном и земском судах г. Кадникова соответственно 18 и 62, г. Грязовца — 54 и 190 дел [5. Ф. 2. Оп. 68. Д. 338. Л. 366—367; 3. Ф. 1405. Оп. 28. Д. 2153].

Не менее важным источником информации для генерал-губернаторов «о течении» тяжких уголовных дел были обращенные к ним жалобы и прошения потерпевших и обвиняемых или их родственников. Данные лица жаловались на все стадии уголовного судопроизводства, начиная со следствия и заканчивая приведением в исполнение приговоров. Так, например, в июне 1823 г. С. И. Миницкому жаловалась «крестьянская женка» Григорьева «о невинном якобы содержании мужа ее в кандалах заседателем Вытегорского земского суда по обвинению в пристанодержательстве в страду», на что генерал-губернатор, передав жалобу олонеккому губернатору, велел немедленно разобраться. В марте 1824 г. ему же жаловался крестьянин Петрозаводского уезда Кошелев «якобы на невинное его осуждение Олонеккой уголовной палатой за укрывательство беглого солдата» плетьюми. Генерал-губернатор, вытребовав у губернатора сведения по этому делу и узнав, что приговор уже приведен в исполнение с согласия последнего еще в 1820 г., предложил Кошелеву принести жалобу в Сенат. В 1820 г. крестьянин Вытегорского уезда Осип Плеханов дважды жаловался А. Ф. Клокачеву на то, что не может получить решения Олонеккой уголовной палаты о похищенных у него крестьянином Егоровым 910 рублям, а в 1827 г. он обратился уже к С. И. Миницкому, которому писал, что «вот уже более 7 лет» не может по решению палаты получить с Егорова денег. Генерал-губернатор потребовал от губернского правления применить к исполнителям, т. е. членам земского суда, «строгость законов». В 1820 г. мать приговоренного к торговой казни арестанта Назарвина, явившись в Архангельске к А. Ф. Клокачеву, просила его остановить наказание, ссылаясь на то, что сын ее несовершеннолетний. Генерал-губернатор предложил губернатору, «буде окажется так», дело представить к нему, а полицмейстеру «помедлить с исполнением» [4. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 36. № 458, 749, 883, 1432, 1828; Д. 191. № 1136; Д. 262. № 416, 426, 823, 1070].

Но самое главное из всех надзорных прав, предоставленных генерал-губернаторам, было указано в ст. 86 «Учреждений» 1775 г., которая гласила: «Есть ли б в судебном месте определено что несправедливо, то государев наместник может остановить исполнение и доносить Сенату, а о времени не терпящих делах и Императорскому Величеству. Сие наипаче касается до дел уголовных в присуждении к отнятию жизни или чести...» Однако, как показала практика, статья в данной редакции оказалась крайне неопределенной для правоприменителей. В частности, она не давала ответов на такие вопросы: как долго генерал-губернатор мог рассматривать вытребованные к себе уголовные дела, каков должен быть порядок внесения дел в Сенат, с решениями которых он был не согласен. Все это пришлось разъяснять в последующих узаконениях, обращенных чаще всего к губернаторам, но их обязаны были придерживаться и генерал-губернаторы. Мы позволим себе не перечислять содержание этих многочисленных документов, ограничившись лишь общей констатацией — в основном они были направлены на более быстрое разрешение уголовных дел. Однако особо подчеркнем, что еще в 1802 г. «начальникам губернии» было строго указано, чтобы они преждевременно не вмешивались в производство судебных дел, а дожидались их «по предписанному порядку к себе на утверждение» и только потом приступали к исправлению «каких-либо упущений по законам» [1. Т. 27. №20372].

В 1827 г. Сенат дал еще одно важное разъяснение по вопросу, заданному ему генерал-губернатором Миницким: что делать, если он «усмотрел где-либо в судебных местах нижней инстанции по делам уголовным отступление от закона и порядка или по жалобам к нему генерал-губернатору открылось бы послабление виновному, а правому угнетение, но решение б уже было утверждено гражданским губернатором»? Неясность возникла, как объяснял Миницкий, в связи с поступившим к нему рапортом вологодской полиции, которая сообщала, что по результатам проведенного следствия оставила она «в подозрении» в поджоге дома мещанку Колчину, но городской магистрат, признав ее невиновной, внес свое заключение, согласно уже упоминавшемуся выше закону от 28 декабря 1821 г., на просмотр губернатора, который согласился с ним. Миницкий, ссылаясь на этот же закон, предписал губернатору передать это дело на ревизию в уголовную палату, что тот и сделал. Однако уголовная палата отозвалась, что не может входить в новое рассмотрение уже решенного дела. Сенат, изучив ситуацию и сопоставив ст. 86 «Учреждений» 1775 г. и указ от 18 сентября 1823 г., заключил, что закон 1821 г. не отменяет этих узаконений и поэтому за генерал-губернаторами остается право остановить исполнение решения по делу и после его утверждения губернатором, а затем представить его со своим мнением в Сенат [2. Т. 2. №1143; 3. Ф. 1345. Оп. 99. Д. 290].

Теперь обратимся к практике применения ст. 86 архангельскими генерал-губернаторами. Нас прежде всего интересовали такие приговоры уголовных палат, с которыми генерал-губернаторы не согласились и, остановив их исполнение, внесли на разрешение в Сенат (обнаружить уголовные дела, о которых они доносили бы напрямую импе-

ратору, нам пока не удалось). Если судить по «исходящим журналам», то такие переносы делались чрезвычайно редко. Так, например, 24 ноября 1821 г. А. Ф. Клокачев в ответ на отношение министра юстиции по поводу принесенной в Сенат от крестьянина Вытегорского уезда Пименова жалобы о якобы несправедливом его присуждении к 10 ударам плетьюми и ссылке на поселение в Сибирь (хотя, как мы помним, такие жалобы от простолюдинов не должны были приниматься), объяснил министру, что Пименов в 1820 г. и к нему приносил жалобу, но уголовная палата, найдя ее ложной, своим решительным приговором от 17 августа 1820 г. «его яко тремя повальными обысками неодобренного» приговорила к этому наказанию, которое одобрил и губернатор, и предложил перенести дело в Сенат. С. И. Миницкий 20 января 1825 г. приказал Олонецкой уголовной палате доставить к нему все необходимые бумаги, чтоб он мог представить в Сенат «дело о краже у вытегорского купца Климова якобы крестьянином Герасимовым с товарищами товаров» (впрочем, заметим, что перенос этого дела так и не состоялся по независимым от генерал-губернатора причинам. — В. Е.) [4. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 84. № 2122, 2123; Д. 329. № 189; 5. Ф. 655. Оп. 1. Д. 877]. Объяснить, чем вызвано такое малое число переносов уголовных дел в Сенат, возможно, поможет предложение, данное в ноябре 1823 г. Миницким олонецкому губернатору. В нем он писал, что, увидев из представленной Олонецкой уголовной палатой ведомости, что она осудила крестьянина Каргопольского уезда Иванова за пристанодержательство крепостной девки к наказанию 20 ударам плетей, он считает такой приговор весьма мягким, так как преступник этот «был ранее судим и ныне обыском не одобрен», и поэтому предлагает ему обратиться особое внимание на это дело, а затем «уведомить его, что будет решено» [4. 1367. Оп. 1. Д. 191. № 1140].

Свои поиски мы продолжили в фондах 5-го и 6-го департаментов Сената, куда в первой трети XIX в. из трех северных губерний должны были поступать интересующие нас рапорты архангельских генерал-губернаторов [1. Т. 28. № 21605; Т. 39. № 29725]. Если судить по описям за 1820—1830-е гг., в Сенат поступило всего семь таких рапортов и все от генерал-губернатора Миницкого. Из них, в свою очередь, только три касались собственно приговоров, сопряженных с тяжкими наказаниями. Думается, что краткий пересказ содержания этих рапортов позволит наглядно представить, каким образом то или иное дело обращало на себя внимание генерал-губернаторов, чем они руководствовались, не соглашаясь с приговором уголовных палат, и, самое главное, каков был результат таких переносов.

Первый рапорт от 26 октября 1828 г. был принесен С. И. Миницким по делу «о невольном привозе крестьянином Афонасием Корконосовым из Норвегии в Архангельск рыбы и о купце Ермолине». Генерал-губернатор писал, что к нему обратились с жалобами отец и сын Корконосовы, несогласные с тем, что Архангельская уголовная палата приговорила за провоз контрабандного товара одного только Корконосова, которому, по его несостоятельности, имущественное наказание в виде платежа в казну положенных пени и штрафа «на многотысячную

сумму» было заменено 10 ударам плетей и ссылкой в Сибирь на поселение, в то время, как купец Ермолин — истинный хозяин груза — был освобожден от взыскания вообще. Вытребовав к себе и изучив это дело, генерал-губернатор предлагал: признать купца Ермолина также хозяином груза и подвергнуть его положенному взысканию «в полном количестве, предоставив, впрочем, ему взять с Корконосова положенную ему часть», а самому Корконосову смягчить хотя бы вторую часть приговора (так как его первая часть уже была исполнена с согласия губернатора) «по уважению добровольного признания его», т. е. оставить его в селении «без права впредь отъезда из него». Сенат, рассмотрев в 1830 г. это дело и не найдя доказанным принадлежность груза купцу Ермолину, оставил приговор уголовной палаты по нему в силе, а с Корконосовым велел поступить «как с казенным должником». В результате он был отдан Архангельским губернским правлением в частную работу к крестьянину Анцифирову из платежа в казну по 100 рублей в год [З. Ф. 1345. Оп. 103. Д. 308].

Своим вторым рапортом от 17 августа 1829 г. С. И. Миницкий оспорил решение Олонецкой уголовной палаты по «делу о крестьянской девке Федосье Павловой». Генерал-губернатор писал, что выяснив из мемории палаты о решении этого дела и вытребовав его к себе, нашел он приговор палаты «несовершенно согласным с существом самого дела и основанным не на строгой справедливости». Павлова, бывшая около трех лет в работницах у крестьянина Евдокимова, сожгла в 1828 г. его дом в отместку за то, что его младший брат, проживавший в это время у него и растливший ее обещанием «взять в замужество», женился на другой. Миницкий полагал, что хотя палата и не имела права проводить передопрос главного свидетеля — матери соблазнителя, так как она уже была ранее допрошена земским исправником и притом без присяги, что, как полагал Миницкий, позволило матери показать в пользу сына, все же должна была принять во внимание это обстоятельство. В результате это «отступление» исправника, писал генерал-губернатор, «затмило истину, и преступник, растливший малолетнюю Павлову... избежал заслуженного наказания», так как, «не сознавшись ни в чем», был палатою оправдан, а «вся тяжесть обвинения пала на одну Павлову, вероятность показаний коей в сделанной ей насильи не опровергается и самою палатою». В заключении Миницкий предлагал за добровольное признание освободить Павлову от наказания кнутом и ссылки в каторжную работу, «вменить ей в оное продолжительное содержание в тюрьме и сослать на поселение». Сенат, рассмотрев 4 сентября 1829 г. это дело, оставил в силе решение уголовной палаты, правда, сократив число ударов кнутом с десяти до одного [З. Ф. 1345. Оп. 102. Д. 100].

Своим третьим рапортом от 8 июня 1829 г. генерал-губернатор лишь внес на ревизию в Сенат, согласившись с приговором архангельской уголовной палаты, «дело о губернском секретаре А. Михайлове и коллежском регистраторе М. Видякине», осужденных «за проломление городовому А. Любову полуштофом головы» к лишению чинов и дворянства и «отдаче в воинскую службу с выслугой, а в случае неспособ-

ности к оной отослать в Сибирь на поселение». Почему именно С. И. Миницкий вносил это дело в Сенат, по-видимому, может быть объяснено «важностью» случая [4. Ф. 1345. Оп. 103. Д. 310].

Итак, проанализировав деятельность архангельских, вологодских и олонекских генерал-губернаторов А. Ф. Клокачева и С. И. Миницкого по надзору за производством тяжких уголовных преступлений, можно заключить, что они всегда и своевременно осведомлялись о ходе их производства. Информацию о «провлчении» или несправедливом решении того или иного дела они получали прежде всего из ведомостей, меморий, личных объездов, а также жалоб потерпевших и обвиняемых. При этом генерал-губернаторы весьма редко пользовались своим правом останавливать исполнение приговоров уголовных палаты подведомственных им губерний, предпочитая давать указания губернаторам, что позволяло им в свою очередь избежать неприятных для себя последствий в случае несогласия Сената с их аргументацией. Те же приговоры, которые ими опротестовывались, приводили, как правило, если не к отмене полностью, но к некоторому ослаблению наказания подсудимых из непривилегированных сословий. Такой результат можно признать пусть не полной, но реализацией идеи Екатерины II, выраженной в ст. 82 «Учреждений для губерний» 1775 г.: «Государев наместник не есть судья, но оберегатель императорского величества изданного узаконения... заступник утесненных», который должен «показать в поступках своих доброхотство, любовь и соболезнование к народу».

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–12 декабря 1825 г.: в 45 т. СПб., 1830.
2. Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. Собрание второе. 12 декабря 1825–28 февраля 1881 г. СПб., 1830–1885.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 1345 (Пятый департамент (уголовный) Сената); Ф. 1409 (Собственная Его Императорского Величества Канцелярия); Ф. 1405 (Канцелярия министра юстиции).
4. Государственный архив Архангельской области. Ф. 1367 (Канцелярия архангельского, вологодского и олонекского генерал-губернатора).
5. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2 (Олонецкое губернское правление); Ф. 655 (Олонецкая палата уголовного суда).

Об авторе

Виктория Викторовна Ефимова – канд. юр. наук, доц., Петрозаводский государственный университет, e-mail: efimova1870@rambler.ru

About author

Dr Viktoriya Yefimova, Associate Professor, Petrozavodsk State University, e-mail: efimova1870@rambler.ru